

Мать вашу, чуваки! Тут творится какая-то дичь!

Короче, пока мы шли к двери этого Мастера, Алиме мне рассказала про свадьбу! Какой-то враг этого самого Мастера, значит, нанял убийцу - какую-то деваху из клана ассасинов, чтобы она отомстила этому самому Мастеру как можно больней! Так вот...

Был у Мастера сын. Последний родственник типа. Жена умерла давно еще, а больше детей у них не было. И эта самая ассасинка замутила с его сынишкой, влюбила в себя, и в итоге все привело к свадьбе. И вот после фразы «жених может поцеловать невесту», ну или как-то так, они целуются... сын отстраняется... хватается за горло и начинает задыхаться. Лицо становится синим, взбухают вены, а ассасинка сразу пытается дать деру... но, в общем, Мастер ее перехватывает... и давит ее голову, как хренову гнилую дыню! Она прям взрывается в его руках - ее башка, в смысле.

Но перед этим она успевает вонзить ему в глаз вилку, и теперь он типа одноглазый...

Жуткая история...

Больше всего жалко сына... он же типа... как бы вообще не при делах.

Блин...

Короче, с вами снова Спенсер...

Алиме медленно отворяет дверь, предварительно постучавшись.

Делает несколько медленных шагов.

- Разве ты не должна быть сегодня на работе, Алиме? - голос Мастера очень хриплый, да и говорит он тихо, но каждое слово слышно более чем отчетливо.

- Я отпросилась, Мастер. Меня заменяет Карина.

- Ясно...

Я пытаюсь понять, откуда идет звук. Особняк огромен до невозможности. Настоящие хоромы! У нас, наверное, так живут лишь самые богатые бизнесмены, да кинозвезды.

- Что за унылое чмо с тобой, Алиме?

Я охренел. Вопросительно смотрю на нее, она подает мне знак рукой, мол, все нормально.

- Это мой знакомый, Мастер. Он хотел бы...

- Я больше не беру учеников.

Мы медленно пересекаем огромный холл, идем в большой зал, украшенный самыми разнообразными шедеврами искусства - картинами, статуями, многочисленными антикварными предметами мебели. Этот Мастер чертовски богат... определенно...

Где-то в углу расположено кресло, развернутое к двери спинкой. Мастер, судя по всему, сидит в этом кресле и курит табачную трубку, аки Шерлок Холмс.

- Помните, Мастер... Вы сказали мне, что окажете услугу?

Рука Мастера с зажатой в ней трубкой показалась из-за спинки и замерла. Он ждал продолжения.

- Так вот... я пришла за этой самой услугой. И мы будем в расчете.

- Судя по скорости его шагов... силе, приложенной к каждому шагу и расстоянию между ногами, он совсем еще птенец.

- Так и есть, Мастер.

- По количеству адреналина в его крови и запаху пота, смешенного с аренской пылью, он был в Колизее вчера.

- Так и есть, Мастер.

- И ты хочешь, чтобы я сотворил чудо за эти пять дней, ибо уже на шестой он должен быть готов.

- Именно... Мастер.

- И мой долг будет выплачен, так?

- Если он выживет на следующей битве.

Трубка с рукой исчезают, он затягивается, выдыхает дым, тут же заclubившийся над креслом.

- Договорились, Алиме.

И он встает.

Широкоплечий и накачанный. В одних штанах с обнаженной грудью. На его спине – татуировка в виде огромного дракона, извергающего огонь и расправившего крылья. Грудь волосата, широка и мускулиста, живот со всеми восемью кубиками. Широкий волевой подбородок с ямочкой; черные, как смоль, волосы, такая же черная бородка, сливающаяся с усами и обрамляющая его рот. На правом глазу – черная повязка. Бицепсы такие, что сам Арни, который Шварценеггер, обосрался бы от увиденного. И рост... он выше меня на голову, хотя я – второй по высоте после Бруно в классе.

- Ты не достоин быть моим учеником, - говорит Мастер и затягивается. – Но уговор есть уговор. Не знаю, что в тебе нашла Алиме, но я ее должник. Долг, как известно, платежом красен, - и он улыбается белоснежными, как жемчуг, зубами. – Даю слово, Алиме, на Арене он не помрет...

Я даже улыбаюсь, слыша такое. Почему-то я сразу понял, что этот чувак реально крутой учитель.

- ...если, конечно, до нее доживет.

И тут мне стало страшно.

Моя рубашка была разорвана на две части, то же стало и со штанами. Вместо них мне выделили такие же белые штаники с веревочкой вместо ремня, как у Мастера, и забрали обувь. С оголенным позорным торсом я вышел из дома, и мне тут же на спину водрузили тяжеленное бревно.

- Ох твою мать! – заорал я, когда сучок бревна впился мне между ребрами. – И долго мне его держать?

- Держать?! – и Мастер громко заржал. Так громко, что я чуть не оглох.

Он нагибается ко мне, я смотрю в его единственный глаз. Ноги дрожат, я почти падаю.

- Ты не должен его держать, лоботряс. Ты с ним побежишь.

- Шта?!

И я получил такой пинок под сраку, что даже не побежал, нет – я словно полетел. Вперед, с трудом удерживая равновесие.

- Выпускай собак, Алиме! – слышу я из-за спины.

- Собак?!

- Есть, Мастер! – кричит Алиме, и раздается громкий лай.

За утро я понял сразу несколько вещей...

Первая – бревно на спине, которое едва ли можно удержать, кажется легким, как перышко, если в то время, пока ты его держишь, вынужден также и убегать от ротвейлеров.

Вторая – Алиме больная на всю голову, иначе не отправила бы меня к этому психу в ученики.

Третья – я вряд ли доживу до Арены.

И четвертая – когда собака кусает тебя в шестнадцатый раз, становится не так больно. Само больно – первый и третий. Потом постепенно начинаешь привыкать...

Мои руки дрожат, я смотрю на Алиме мокрыми глазами. Вся спина окровавлена и полна заноз, ноги искусаны собаками, а Мастер тащит с кухни большую кружку. Алиме убийственно спокойна и продолжает улыбаться.

- Держи, лоботряс. Это придаст тебе сил.

Я беру кружку. Руки сильно дрожат. Зеленая жижа, похожая на разбавленный в кипятке литр соплей пахнут, как мои носки, если их не менять неделю.

- Что это за хрень?

Меня воротит от одного лишь запаха.

- Пей, лоботряс, – мастер снова засовывает в рот свою трубку и играет грудными мышцами. – На вкус не так плохо, как на запах.

Он солгал.

Сложно поверить, но силы мои восстановились довольно быстро. К тому времени, как я допил ту кружку блевотины, руки перестали дрожать, а натруженные мышцы были готовы к продолжению тренировки.

Правда... сам я эту тренировку не особо хотел продолжать.

- Отжимания! – гордо крикнул он и указал рукой на четыре деревянные столба, под которыми было что-то вроде ковра из наточенных клинков.

Я видел что-то подобное толи в каком-то фильме, толи в аниме.

- Принял упор лежа, лоботряс!

Тяжелее, чем отжиматься, было встать на каждое из бревен. Хренов Твистер, твою мать. Отжиматься было уже легче... это я умел...

До того, как мастер запрыгнул на мою спину.

- Аааааа! – кричу я, практически встретившись с лезвиями лицом. Он был такой тяжелый, что я едва мог удержаться. А об отжимании не шло и речи! – Слезьте с меня! Слезьте!

- Ра-а-а-аз! – произнес Мастер и закурил свою трубку.

- Сууууукаааа! – мои руки не выдержали.

- Все органы целы, - заявил знахарь, зашивающий мои раны.

- Чудно, - говорит Мастер, протягивая мне кружку с соплями, пахнущую как дерьмо сгнившего мамонта. – Значит, ты готов заниматься дальше.

- Абсолютно, - подтверждает знахарь, отчего я чуть было не роняю кружку на пол.

Следующими в списке аттракционов были подтягивания. Специально для этого под турником Мастер с Алиме развели костер. Я больше был похож на червяка, болтающегося на крючке, чем на подтягивающегося человека.

Но чудо-мазь, сделанная из тех же чудо-соплей, что и напиток, который он давал мне после каждой тренировки, сняла зуд и жжение, когда Алиме покрыла ею мои обожженные ноги. Кожа на них местами облезла, где-то вздулись пузыри, где-то они лопались, а пятки и вовсе почернели. Я плакал и пил напиток из соплей, пил напиток и плакал.

Прыжки над ямой с кольями оказались легкой забавой по сравнению с тем, что мне пришлось испытать до этого. А ноги, на удивление, совсем не болели. Я их даже не чувствовал. И все бы ничего, если бы Мастер с Алиме не принялись играть в метание камней по движущейся

мишени.

Но знахарь заявил, что ребра целы, хотя я и подпрыгивал от каждого надавливания его пальца.

- Может быть, разве что... треснули... но не сломались.

- А трещина что, не перелом?! - визжу я, получая кружку с соплями.

- Тренироваться может?

- Абсолютно, - отвечает знахарь. - Я только немного его перевяжу...

- Чудно, - и изверг глубоко затягивается.

- Как дела, лоботряс? - раздается голос Мастера.

Я стою на полусогнутых ногах на двух бревнах. На моей спине - коромысло, по бокам которого - ведра с камнями. Прямо под моими яйцами - длинный острый клинок.

Пот стекает со лба градом. То же и с туловищем. Ноги слегка трясутся. Перебинтованная грудь болит, особенно треснутые, но не сломанные ребра.

- Чудно! - отвечаю я ему.

- Чудно, - слышу его довольный голос, словно эхо.

- Обед! - раздается крик Алиме.

- Пошли, лоботряс. Твое спасение!

- Стойте! Мастер!

Он ушел в дом, а я продолжил так стоять.

- Я не могу... - тихо простанываю, - пошевелиться...

Но он меня не слышит. У них начался обед.

Вместо чая мне дали ту же жижу из соплей, но к ней я уже потихоньку привык. Я почти ничего не ел, так как меня тошнило, но зато попил этой жижи... скорее из-за того, что Мастер пообещал влить мне ее в глотку, а то, что не влезет - в зад.

Вовсе не из-за жажды...

- А теперь, спарринг, - гордо говорит Мастер.

Я уже ко всему готов, и потому мне пофигу. Тела я уже давно не чувствую, но зато замечаю, что эту зеленую дрянь пью лишь я один. Они же пьют вкусно пахнущий чаёчек.

- А почему вы не пьете эту... этот отвар?

- Сдурел что ли? – спрашивает Мастер, отхлебывая из своей кружки. – Какой человек в здравом уме будет пить выжатые яйца спиногрифа?

Алиме смотрит в стол, а я – в кружку... с яйцами спиногрифа.

Делаю глоток.

- В принципе, я пил сырые яйца в школе... ничего страшного...

- Спиногрифы не откладывают яиц, - вдруг говорит Алиме. – Они млекопитающие.

Я вдруг я понял, о каких яйцах речь.

После того, как я проблевался от настойки, а затем эту же блевоту мне влили в рот, и я проблевался еще раз, Мастер выпнул меня на эдакий боксерский ринг, находящийся на заднем дворе его особняка. Моим спарринг-партнером оказалась... Алиме!

- Не-не! – говорю я, пытаюсь покинуть ринг. – Я женщину бить не буду. Тем более, что она была ко мне очень добра. Так что...

- Лоботряс, - Мастер хватает меня за волосы и приближает мое лицо к своему так близко, будто собирается поцеловать, - ты не будешь бить Алиме. Просто постарайся... не дать ей себя убить.

- Я буду аккуратно, Спенсер, - обещает Алиме, улыбаясь. И снимает с себя одежду.

Я готов увидеть, как выползают наружу все ее жировые складки... но вместо этого, разинув рот, наблюдаю совершенно неожиданную для себя картину.

Алиме, которая казалась мне толстухой, на самом деле была хреновым перекаченным бодибилдером!

- Не, стой! Быть того не может! – мои глаза все еще находились в выпученном состоянии, и я не мог их расслабить. – Ты! Ты!

Она не ответила. А просто принялась надевать латные перчатки.

- Это еще нахрена?! Почему они металлические?!

- Голыми руками... она сломает тебе кости, - объясняет Мастер, затягиваясь из своей трубки. – Давай, Алиме.

- Да, Мастер!

И она, улыбаясь, как ангел, сошедший с небес, быстро рванулась ко мне. Все, что я помню – это огромный кулак.

- Наверное, - слышу голос Мастера, ощущая во рту вкус тех самых яиц спиногрифа, - к спаррингу он еще пока не готов.

- Ты можешь уйти, - говорит Мастер, когда солнце заползло за горизонт.

Я весь перебинтован, покрыт синяками, во рту не хватает пары зубов, а ноги не влезают в обувь, так как распухли... да и вообще слегка кровоточат...

Кстати, ssал я тоже кровью...

Мы стоим у выхода с его территории, у самой калитки. Я, Алиме и Мастер. Она снова одета, но теперь я знаю, что скрыто под ее мешковатыми одеждами. Отнюдь не жир, отнюдь.

- Можешь не возвращаться, - говорит Мастер, покуривая трубку. - А можешь вернуться. А можешь и не уходить, остаться жить здесь.

- Остаться здесь жить?! - я посмотрел на особняк и почти представил, как стану жить в этих хоромах.

- Выбор за тобой, лоботряс. Но, если решишь продолжить тренировку, то знай... сегодня, - он наклонился ко мне. Его единственный глаз зловеще сверкнул, - была лишь демо-версия, а не полный курс.

Стало немного боязно.

Но я, в принципе, ничего уже не чувствовал.

- Я остаюсь! - принимаю решение. Жить у Алиме - вариант хреновый. Все же она итак много для меня сделала. А возвращаться к своим...

Короче, я остаюсь!

И я гордо зашагал к особняку.

- Стой! Я имел ввиду жить здесь... но не в моем доме!

- А где?

В пристройке, похожей на сарай.

Именно туда меня проводила Алиме. Находящийся на заднем дворе, этот хлев вонял не хуже того отвара из яиц, похожего на сопли. Вполне возможно, что именно здесь этих самых спиногрифов и держали. Пока их яйца не превратили в этот целебный отвар...

- Правильно решение, Спенсер, - говорит Алиме, подходит ко мне и целует в лоб.

Я аж опешил.

- Теперь я верю, что не ошиблась в тебе, и не зря поставила двести золотых на твой бой против грифона.

Она ушла.

Ушла, оставив меня одного посреди сарая представлять свой бой... с грифоном.

- Твою мать, - очень тихо шепчу я, понимая, что наступил в чье-то дерьмо.

<http://tl.rulate.ru/book/7610/143399>